

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XLIV: 2019, pp. 309–318. ISSN 0081-6884.

Adam Mickiewicz University Press, Poznań

DOI: 10.14746/strp.2019.44.1.29

КОММУНИКАЦИЯ В ВЕРБАЛЬНОМ ТЕКСТЕ, ВЕРБАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В КОММУНИКАЦИИ¹

COMMUNICATION IN VERBAL TEXT, VERBAL TEXT IN COMMUNICATION

ЯН ГАЛЛО

ABSTRACT. The article is dedicated to general issues concerning verbal text and communication and the analysis of the communicative structure of a literary text. In the introduction, the interest to research not only text but also the phenomenon of a more complex character – communication – is expressed. The problem of the text as a part of communication process is also discussed taking into account the verbal means. In the first part, the attention is focused on the verbal text in the aspect of communication. The characteristics of implicit parts of the communication process (an author, code, text, channel, recipient, communicative situation) is presented as well. In the third part, there is the analysis of the specific type of a complex semiotic text – a literary verbal text and its communicative comprehension in both productive and receptive aspects. The connection of the text with textual subjects is studied as well. In the last part of the text, the conclusions of presented problems are drawn.

Keywords: author, code, communication, communicant, communicative situation, verbal text

Ян Галло, Университет им. Константина Философа в Нитре, Нитра – Словацкая Республика, jgallo@ukf.sk

ORCID ID: 0000-0001-7113-9235

Введение

Одним из основных свойств и потребностей человеческого субъекта, существа социального, является свойство и потребность сообщать (и обмениваться сообщениями), т. е. свойство и потребность общаться, образовывать, „переносить” и принимать **тексты**, а именно тексты, основан-

¹ Статья выполнена по гранту ВЕГА 1/0243/15 „Текст и лингвистика текста в междисциплинарной и интермедийной взаимосвязи” (Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach).

ные на естественном языке, тексты с долей естественного языка и тексты „неязыковые”.

Интерес к изучению текста (в широком понимании) является в настоящее время типичным для ряда научных дисциплин. То, как к тексту подходит современная лингвистика, в значительной мере установлено внутренним движением объекта лингвистики, типичным приблизительно для второй половины 20 столетия. Положение языка (системы) – относительно современного традиционного объекта лингвистики – постепенно интересует именно текст (реализация системы) и в последнее время сама коммуникация – явление еще более комплексного характера.

Сомнения относительно возможности познакомиться с текстом посредством аппарата единственной дисциплины, выраженные и в связи с лингвистикой [см. Бахтин 1976], являются по существу закономерными. Объект исследования, текст (также и текст на вид „исключительно” словесный), понимаемый как знак, сообщающий в процессе общественной передачи значений, является собственно образованием семиотически комплексным. Это определено количественно разнообразным представительством разных семиотических систем в его „материальной” составной части и их качественно разнообразной долей в плане текста целого. В отношении к смыслу как коммуникативной категории, тексто-функциональная релевантность этих систем профилируется наиболее явно.

Проблема компетенции лингвистики исследовать текст как комплексную составную часть процесса коммуникации является в значительной мере, по сути дела, проблемой компетенции лингвистики описывать, анализировать, объяснять и интерпретировать разные типы средств тех семиотических систем, которые использованы в тексте для переноса информации и передачи значений. При этом, разумеется, учитывается их отношение к вербальным средствам: функциональной равноценности/неравноценности (доминантности/субдоминантности), автономности/неавтономности и, прежде всего, внутритекстовой заменимости/незаменимости.

Объектом нашего интереса в данной статье будет вербальный текст в аспекте коммуникации, действие текста в коммуникации. В статье также рассматривается и специфический тип семиотически комплексного текста – художественный вербальный текст.

Вербальный текст в аспекте коммуникации

Текст в аспекте коммуникации можно считать одним из типов коммуниката. Коммуникат можно определить наиболее общим способом как „что-то, что высказывает кому-то о чем-то”. Это „что-то” может быть

не только вербальный текст, но также произведение искусства, танец, одежда, жест и т.п. На основе этого Яна Соколова подразделяет три вида коммуникатов: вербальные, невербальные (напр. музыкальные произведения, танец) и смешанные, креолизованные (напр. комиксы, рекламные объявления, плакаты, карикатуры), а также различает монокодовые и поликодовые коммуникаты [см. Соколова, 2016].

Следовательно, с точки зрения коммуникации Яна Соколова предполагается, что

посредством вербального текста как коммуниката кто-либо информирует кого-либо о чем-либо, каким-либо образом, с какой-либо целью и с каким-либо воздействием. Это значит, что текст представляет собой намеренный порядок высказываний (актов высказываний), смыслом которых является передача реципиенту соответствующего объема семантической и/или прагматической информации, производимой за счет комплексного применения иерархически и дискретно организованных языковых, паралингвистических и внеязыковых средств [Sokolová 2012: 133].

Таким образом, согласно Яне Соколовой, в вербальном тексте „имплицитно предполагаются и составные части коммуникационного процесса, такие как автор; код, текст; канал; реципиент (адресат)/коммуникативная ситуация” [Sokolová 2012: 14].

Автор текста может быть индивидуальным или общим, эксплицитным или имплицитным, анонимным или неанонимным. В художественных текстах автор выражает свое субъективное отношение или эксплицитно – посредством так называемых модальных дигрессий [Vaňko 1999: 71–76], или имплицитно – путем включения в наррацию или речь персонажей. В научных текстах средствами эксплицитной авторской позиции становятся так называемые комменторы (в терминологии Франтишека Чермака) [см. Čermák, Holub 2005]. Комменторы – это вербальные и невербальные средства, при помощи которых автор, перцепиент, становится активным в основной линии коммуникации и комментирует её.

Код – это „язык информации”. Различают язык предметов, символов, жестов, вербальных, изобразительных, музыкальных и танцевальных форм кодирования.

Несмотря на то, что нет единого определения текста (как и сам текст имеет несчетно много видов), феномен текста как эмпирической единицы является интуитивно и реально принятый. Это определяется многократным эмпирическим опытом встречи с разнообразными видами текстов и созданием образа, идеи текста, генерированием его сущности.

Канал, модус переноса информации, различает устные вербальные тексты, письменные и электронные. Свойства письменных и устных

форм языка являются уже долгие десятилетия в центре внимания, прежде всего, стилистики.

Реципиент может быть актуальным или виртуальным, дифференцированным (по полу, возрасту, профессии, интересам, образованию и т.п.), или недифференцированным (так называемая широкая аудитория, массовый адресат и т.п.). По количеству участников различают индивидуальную коммуникацию, групповую коммуникацию и массовую коммуникацию. Модель реципиента играет принципиальную роль в отношении не только к речевой деятельности, но также и к тексту. Текст является „вызовом“, текст задает вопросы, на которые реципиент реагирует. Согласно Юраю Долнику [см. Dolník 1995], модель реципиента является составной частью интерпретационного акта коммуникативной ситуации. Этой моделью автор интерпретирует предполагаемого реципиента, т.е. придает ему некоторую структуру. Роль читателя при генерации нарративного текста перцепиентом и так называемого „модельного“ текста подробно анализирует Умберто Эко [2010].

Вербальный текст: результат и выход коммуникативной деятельности

Объектом интереса лингвистики является и один специфический тип семиотически комплексного текста, то есть **вербальный художественный текст**. Обычно в нем сосуществуют, по крайней мере, средства семиотической системы естественного языка и семиотической системы словесного искусства [см. Лотман 1970; Morris 1939, Benveniste 1974; Uspenskij 1972; Cieřlikowska, Sławiński 1980; Steinerová 1982]. При этом семиотическая система словесного искусства тут закреплена прямо, не опосредованно в семиотической системе естественного языка, его знаковость определена языковым „слоем“ текста.

Помимо всего прочего, этот факт логически создает некоторые междисциплинарные связи между лингвистикой и литературоведением.

В общих чертах **лингвистика** направляется в первую очередь к восприятию тех принципов, которые имеют для текстов и вербальной коммуникации общепризнанную силу. Однако при этом лингвистика неизбежно исходит из частных случаев, из применения лексики в разных типах текстов и в разнообразных сферах общения, а следовательно, и в художественных текстах и литературной коммуникации. По сравнению с этим, целью **литературоведения** является анализ проблематики ограниченного, некоторого собрания текстов и одного вида коммуникации. Правда, освещение специфики этой сферы возможно только на основе сравнения с общепринятыми принципами [Mareř 1988].

В последнее время в обеих этих дисциплинах находит применение специфическое понимание текста, обычно называемое **коммуникативным пониманием**. Текст рассматривается как комплексное образование знаков, действующее (сообщающее и воздействующее) в процессе социальной коммуникации. Правда, такое понимание текста не принимают безоговорочно [Markiewicz 1985], однако в лингвистической и литературно-теоретической науке о тексте оно имеет свою бесспорную традицию. Добавим, что в Чешской Республике коммуникативный подход к (художественному) тексту более систематически разрабатывается уже в 60-х годах [Hausenblas, Červenka 1978]. Позже – в Нитре (Словацкая Республика), в частности, в ÚJLK Франтишек Мико эксплицитно упоминает о „коммуникативно-семиотической роли” текста [Miko 1987: 30], а в другой работе отмечает, что „произведение является неотъемлемым от своего коммуникативного существования” [Miko 1989: 130].

Само собой разумеется, что коммуникативное понимание текста одновременно ставит вопросы, которые невозможно не упомянуть. Данное понимание обусловлено не только сменой объекта лингвистики, но также и тенденциями, приводящими к смене подхода исследования от предложения к тексту. С целью истолковать „социальные свойства” текста, особенно с учётом его функционирования, текст, главным образом в последнее время, понимают (только) как составную часть процесса коммуникации. В особых случаях специальным объектом интереса становится не только „всего лишь” текст, но сам процесс коммуникации, в особенности этап его рецепции, в частности, проблема понимания (*comprehension*).

Проследить причины этого интереса не является особенно трудным. Его корни находятся в отклонении от „автономной лингвистики”, от понимания текста только как системы формальных отношений и „грамматики” текста как дисциплины каким-нибудь способом параллельной с грамматикой предложения [см. Harris 1952] и рядом с убеждением о необходимости включить и в размышления о тексте **значение** (ср. афористическое „*linguistics without meaning is meaningless*” Якобсона). Постепенно в рамках этих подходов усиливается мнение, что таким образом реформированную проблематику явлений над уровнем предложения нужно решить в более широких взаимосвязях. Значение не соотносится только с самим текстом [Kintsch 1974], но скорее с сознанием (каждого индивидуального) воспринимающего текста, с активацией некоторых так наз. умственных моделей. На них, разумеется, основан процесс понимания текста и его продукции. Исследование характера этих ментальных моделей или структур (вербально-когнитивная или иная основа), способа их организации, меха-

низмов их „работы” и т.д. в некоторых случаях выходит рамки лингвистики и лингвистики текста.

Непременно бесспорным является тот факт, что текст можно определить (и понять), а также анализировать, толковать и интерпретировать всегда (только) на основе его (индивидуального) восприятия. Разумеется, вызывает сомнение, можно ли текст (или его целостность как основное свойство текстуальности) и его смысл определить только в восприятии, в соотношении текст – воспринимающий, или только в сознании самого воспринимающего и определить текст как ряд интерпретаций воспринимающего [см. Sözer 1985].

В рассуждениях, ориентированных на текст как специальный предмет интереса, (т.е. в рассуждениях, исходящих из текста и к тексту направленных) будет полезно увидеть текст в своем роде синтетически, как реальность, существование которое определено, во-первых, **продукцией**, во-вторых, **материальной презентацией** (переносом материального носителя знака), в-третьих, **восприятием** [Hausenblas 1984: 3].

С этой точки зрения здесь текст рассматривается как **процесс+результат** действия коммуникации (аспект производственный) и одновременно как её **исходный пункт+процесс** (аспект восприятия).

Соединение производственного аспекта и аспекта восприятия для действия текста в коммуникации с учётом его структурности является функциональным: структура текста, собственно, сама коммуникационно и социально обусловлена и закономерно обуславливает, определяет и гипостазировывает (предположения) его функционирование и воздействие.

Таким образом, коммуникативное понимание текста позволяет удовлетворительным способом включить эти два (только внешне противоположных) аспекта – аспект структуры и аспект функции – в объяснение и интерпретацию всех вербальных, художественных и нехудожественных текстов.

При этом нехудожественным текстам структурно наиболее близка **художественная проза**, главный предмет интереса этих толкований.

Именно в рамках вербальных художественных прозаических текстов, текстов с преобладанием эпического элемента, коммуникативный подход оценивается, в сущности, двумя способами: с одной стороны в отношении к целому тексту-знаку (**текст в коммуникации**), с другой стороны, в отношении к внутреннему структурированию текста, к коммуникационной структуре, которые представлены в его рамках (**коммуникация в тексте**).

Аналогично в „двойное” отношение к тексту (аспект внешний, аспект внутренний) входят, по крайней мере, еще следующих два фактора, для

проблематики текста не менее важные: **время и пространство**, „время и пространство текста” (в частности: пространственно-временные факторы продукции и восприятия текста) и „время и пространство в тексте” (в частности: структурная упорядоченность времени и пространства, представленных в тексте).

Как и время, пространство и коммуникацию, а также их „двойное” отношение к проблематике текста нельзя отделять друг от друга. Учитывая эту неотделимость, выделим аспект коммуникации или **„коммуникации в тексте”** в качестве доминантного (был трудный для понимания фрагмент).

Легко напрашивается связь проблематики **текста как формы коммуникации** с проблематикой **текстовых субъектов** [см. Hausenblas 1971].

В настоящее время, в сущности, вообще встречаются мнения, что текстовые субъекты художественного текста невозможно прямо и механически образовывать от внетекстовых субъектов, т. е. автора и воспринимающего – биофизиопсихологически и социогеографическо-экономически обусловленных участников реального акта коммуникации – если текст, разумеется, от этих субъектов полностью не отделять. В сущности, одинаково в общих чертах следует учитывать некоторую „иерархичность” самых текстовых субъектов. С текстом, безусловно, связаны, как конститутивные составные части семантической структуры текста, субъекты **первичных** коммуникантов в тексте, текстовый **субъект передающий** и текстовый субъект принимающий. При этом с точки зрения целей следующего толкования не является существенным, реализованы ли они имплицитно и не определены текстом по-другому, чем как субъекты „сознания”, из которого текст исходит и к которому направляется, или эксплицитно, т.е. тематизированы как составные части мира, представленного в тексте. Факультативно, а также в некоторых типах текстов, преимущественно в художественных (также в художественных текстах с преобладающим эпическим элементом) реализуются текстовые субъекты „более низкого разряда”, поданные и опознаваемые в высказываниях конститутивных текстовых субъектов как их органически присущие составные части содержания, обычно обозначаемые как **действующие лица**. С этой точки зрения, учитывая опосредованность своей подачи, персонаж имеет в структуре художественного текста как комплексного знака вторичное положение. „Над ним” и „между ним и реальными субъектами текста” стоят всегда обязательные и первичные конститутивные текстовые субъекты.

Опосредованный, вторичный характер имеет также коммуникативно-речевая активность, которая приписывается персонажам в рамках

целого художественного текста. Это, в частности, происходит в эпической прозе, где персонажи стандартизированы как субъекты, которые „задумывают сообщать“, „говорят“ и „пишут“, „слушают“ и „читают“, а также „интерпретируют“.

Отношение коммуникации персонажей (вторичная коммуникация) и „высшей“, первичной коммуникации не является, правда, отношением простой иерархии – вернее является отношением средства и функции. Вторичная коммуникация является пересечением функции моделировать другие коммуникации, возникающие в её семантике как коммуникации „более низких“ разрядов (коммуникация третьичная и т.д.). Она сама является средством первичной коммуникации. Первичная коммуникация тогда является функцией вторичной коммуникации (и через неё опосредованно функцией? и низших уровней) и средством реальной коммуникации, главным образом, в отношении к текстовой реализации субъектов автора и воспринимающего (закреплённых кроме всего прочего также в отношении к коммуникативному узусу, обусловленного эпохой, коммуникативными нормами, их кодификацией и т.д.).

Уже с учётом этой связи является очевидным, что коммуникация, которая присоединяется к текстовым субъектам персонажей в рамках художественного вербального текста (т.е. коммуникация в тексте), совершенно специфическим способом принимает участие в образовании коммуникативного смысла текста, для действия текста в коммуникации.

Выводы

Аспект коммуникации отражается в рассмотрении текста как коммуниката, отличающегося, с одной стороны, своим функциональным назначением и, с другой – своей внутренней структурой. Аспект коммуникации включает в себе и внешние условия зарождения и существования текста, а также предусматривает трактовку текста в пространстве синергетики с внеязыковой действительностью, автором, адресатом, с другими текстами (в отношении интертекстуальности) и т.п.

Коммуникация осуществляется в пространственно-временных связях, и поэтому координатами каждой коммуникации являются соучастники (партнёры) коммуникации, время и пространство. К детерминантам коммуникации принадлежат: а) знания соучастников, коммуникантов; б) коммуникативные намерения (интенция); в) условия коммуникации; г) принципы коммуникации и д) принципы действия [ср. Dolník 2009].

Текст является средством и целью коммуникации. Коммуникативные отношения людей являются, в общем, одним из неизбежных условий процесса человеческой деятельности. Без них сознание человека не могло бы стать практическим сознанием для другого, без них бы биологическая деятельность не могла стать поступком, специфической деятельностью в жизни человека. Взаимодействие индивидуальных и коллективных соучастников невозможно без их коммуникационных связей. Эти связи являются особой формой социальных связей. В отличие от других форм социальных связей, речь идёт непосредственно не о взаимном обмене деятельностью, а об обмене опытом и информацией, полученных в процессе человеческой деятельности. Посредством коммуникационных связей передается социальная память человечества из поколения в поколение. Основной формой коммуникационной связи является общение среди людей. Эта связь предполагает трансформирование опыта, приобретенного в процессе материальной и духовной человеческой деятельности, в форму руководства, которое посредством языка и речи передается другим соучастником [ср. Černík 2005: 45].

Библиография

- Бахтин М. М. 1976. *Проблема текста. Опыт философского анализа*, „Вопросы литературы“, № 10, с. 123–151.
- Калечиц Е. 2016. *Художественный текст в иностранной аудитории. Когнитивно-деятельностный подход*, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Лотман Ю. М. 1970. *Структура художественного текста*, Москва: Искусство.
- Соколова Я. 2016. *Вербальный текст. Очерки о моно-, семи- и поликодовости*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Benveniste É. 1974. *Problèmes de linguistique générale*, Paris: Gallimard.
- Čermák F., Holub J. 2005. *Syntagmatika a paradigmatica českého slova I. Valence a kolokabilia*, Praha: Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum.
- Černík V. 2005. *Sociálny systém, konanie a sociálna zmena*, [в:] V. Černík, J. Viceník (ред.), *Zákon, explanácia a interpretácia v spoločenských vedách*, Bratislava: Iris, с. 13–56.
- Červenka M. 1978. *Der Bedeutungsaufbau des literarischen Werks*, München: Wilhelm Fink.
- Cieślukowska T., Ślawiński J. (ред.) 1980. *Pogranicza i korespondencje sztuk*, Wrocław: Ossolineum.
- Dolník J. 1995. *Preferenčný aspekt rečových aktov*, „Jazykovedný časopis“ 46, № 1, с. 3–11.
- Dolník J. 2009. *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*, Bratislava: Veda. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied v Bratislave.
- Eco U. 2010. *Lector in fabula. Role čtenáře aneb Interpretační kooperace v narativních textech*, Praha: Academia.
- Harris Z. C. 1952. *Discourse analysis*, „Language“, 28, № 1, с. 1–30.

- Hausenblas K. 1971. *Subjety v promulvě*, [в:] S. Urbańczyk (ред.), *Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich*. Wrocław: Ossolineum, c. 217–223.
- Hausenblas K. 1974. *Text, komunikáty a jejich komplexy (Zamyšlení pojmoslovné)*, „Slovo a slovesnost“, 45, № 1, c. 1–7.
- Hausenblas K. 1978. *K celkové stylistické charakteristice textů (J. Neruda, U tří lilií – styl a smysl povídky)*, [в:] B. Havránek (ред.), *Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika*. Praha: Academia, c. 169–178.
- Kintsch W. 1974. *The Representation of Meaning in Memory*, Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Macurová A. 2016. *Komunikace v textu a s textem*, Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze.
- Mareš P. 1988. *Lingvistické přístupy a umělecký text (náčrt problematiky)*, [в:] J. Nekvapil, O. Šoltys (ред.), *Funkční lingvistika a dialektika 1 (Linguistica XVII/1)*, Praha: ÚJČ ČSAV, c. 150–158.
- Markiewicz H. 1985. *Uchwycić to, co nas zachwyca*, „Nowe Książki“, № 2.
- Miko F. 1987. *Analýza literárneho diela*, Bratislava: Veda.
- Miko F. 1989. *Aspekty literárneho textu*, Nitra: Pedagogická fakulta.
- Morris Ch. 1939. *Esthetics and the Theory of Signs*, „Journal of Unified Science“, 8, № 1, c. 131–150.
- Sokolová J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu*, Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre.
- Steiner W. 1982. *The Colors of Rhetoric. Problems in the Relation between Modern Literature and Painting*, Chicago: University of Chicago Press.
- Uspenskij B. A. 1972. *Structural Isomorphism of Verbal and Visual Art*, „Poetics“, № 5, c. 5–39.
- Vaňko J. 1999. *Komunikácia a jazyk*, Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre.